

Введение

Жизненный мир и модусы повседневности

При всей очевидности понятий «жизненный мир» и «повседневность» совсем неочевидны исследовательские стратегии в изучении их предметных областей. Начну с того, что проблему «жизненного мира» исследовал Э. Гуссерль в начале прошлого века. Он пришел к выводу, который может обескуражить любого неискушенного человека, – *жизненный мир нам непосредственно не дан*, но мы в нем находимся. Как такое возможно? Иносказательно это можно представить так: на родном языке мы говорим, но язык целиком нам не дан. Какова природа той предметной области, которая лишь *опосредованно* дает возможность увидеть *жизненный мир*? Это природа интерпретации, в которой всегда можно найти то, что непосредственно связывает *естественную установку сознания* (set) с актуальностями, привычками, традицией того, что условно именуется «повседневностью». Будучи существами, производящими интерпретации, люди создают свой – как говорил Мераб Мамардашвили – не природный, а искусственный мир, в котором может пребывать только человек: животные не имеют подобного механизма, дающего право не только думать, но и на свой лад проектировать жизнь – *создавать* *жизненный мир*.

Тут и возникает вопрос: если исследователь изучает исторические тексты, то что он изучает? «Прошрое» или интерпретационные модели, которые в той или иной степени выражают актуальности *жизненного мира*? Понятие «прошрое» – размытое, но и «жизненный мир» – не одномерная модель, растянутая во времени и пространстве. В классической работе Ф. Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт» речь идет о том, что историк не должен приносить в картину прошлого ничего постороннего, произвольного, вымышленного. Историю следует постигать со всей ее чуждостью, инаковостью. Но как «воскресить» ее? Анкерсмит предлагал путь психологического вживания в историческую эпоху – интуиция исследователя рождает импульс, который ведет не к бесконтрольному разгулу воображения, а к своеобразному соитию с эпохой. Интенция беспредпосылочности в построении Анкерсмита – это важный этап развития гуманитарной науки, но странным образом эта беспредпосылочность совмещается с непроясненным смыслом опыта вжива-

ния в историческую эпоху. Анкерсмит не видит проблемы в разных *модусах* повседневности – исследователя и исторической эпохи.

Эту ситуацию имеет смысл обдумать. Следует обратить внимание на то, что жизненный мир всегда представлен в *осмысленной* повседневности, которую можно изучать через конвенциональные модели (т. е. типичные объяснения). Осмысленная повседневность – это сложный конгломерат, в схематическом виде соединяющий *обиходное* (термин А.М. Панченко) и событийное. Нет никакого одного – однородного – механического – жизненного мира, но нет и повседневности, которая *сама по себе* повседневность – безотносительная. Когда мы говорим о повседневности в истории, то редко думаем о том, насколько сложным является это понятие, насколько оно неуловимо в своих границах, а порой даже опасно уводит исследователя в придуманную или воображаемую сферу.

Вот почему мне кажется допустимым вводить такой термин, как «модус повседневности», применительно к жизненному миру. Модусы – это направления, по которым раскрываются лишь те или иные аспекты осмысленной повседневности. Отсюда возникает вопрос: является ли эта выявленная исследователем «повседневность» выражением той «повседневности», о которой мы думаем, что она «такая была», не приписываем ли мы ей дополнительные коннотации или наоборот – не ограничиваем ли ее возможную природную амбивалентность?

Материал для раздумий содержится в настоящем выпуске Вестника РГГУ. Обратимся к первой статье этого номера. С.А. Борисова, изучая представления о страхе Божьем в «Повести временных лет» и в «Поучении» Владимира Мономаха, реконструирует конвенциональную модель книжного восприятия страха, убедительно показывает, что его восприятие «страха Божьего» не было цитатничеством. Повседневность «псалтырного узуса» – вещь привычная для средневековья. Казалось бы, вот такой была «повседневность» русского князя, мыслителя и воина, в его привычном быте. «Богобоязненность» являлась результатом осознанного выбора и основой жизни благочестивого христианина», – отмечает С.А. Борисова. С этим трудно спорить. Но как быть, если в самом тексте «Поучения» Владимира Мономаха можно обнаружить и то, что никак не вписывается в эту книжную модель богобоязненного князя? Какова природа этой девиации?.. Жизненное противоречие? Неосознанное допущение? Или в тексте «Поучения» могут непротиворечиво сосуществовать амбивалентные модусы повседневности, указывая на непостижимую природу той повседневности, которая в наиболее полном виде, как и жизненный мир, нам не дана?

Владимир Мономах включает в сферу своей богобоязненности заповедь «не убий» как главную. То, что он настоящий воин и ему приходилось воевать и убивать в честном бою – явление допустимое с точки зрения церкви: храбрый воин – порождение духовной возвышенности. А поскольку у Бога нет мертвых, то здесь и не может быть никакого противоречия образу богобоязненного князя. Но вот Мономах как бы между прочим рассказывает, что он приказал убить плененных врагов – степняков. Тут уже не найти храбрость, тут – только убийство. Он не стал ничего объяснять: то ли не видя противоречия, то ли не считая, что надо пояснять – все и так знают, почему подобного рода убийство не убийство, а что-то вполне допустимое. Убитые – не христиане, конечно. Однако заповедь «не убий» не предполагает конфессиональную предрасположенность нравственного выбора. Убить пленных людей, безоружных, разве это не позор? Едва ли здесь возможна непротиворечивая картина жизни. Но почему непротиворечивость мотивов есть обязательное условие повседневности? Точно также можно утверждать, что в повседневности, которая нам в полном виде не дана, могут сосуществовать даже явления амбивалентные, а не только противоречивые. Значит, в повседневности богобоязненного князя, которую внимательно раскрывает С.А. Борисова, присутствует именно модус, а не сама повседневность.

Для исследователя существенно думать не только о результатах проведенной работы, но и о перспективах. Осмысление понятия «модус повседневности», как мне кажется, *провоцирует* думать о путях реконструкции картины жизни людей таким образом, чтобы мысленно не отвергать явления и противоречивые, и даже амбивалентные, поскольку логика в *отдельно изучаемом модусе* повседневности не обязана полностью покрывать собой и другие компоненты ежедневной жизни.

Модус повседневности в статьях К.С. Худина и И.В. Курукина – описание процесса жизнедеятельности учреждений, которые концентрируют в себе наиболее существенные потребности человека. Аптекарский приказ – это процесс лечения в кризисной ситуации, когда в Москве буйствовала чума. В деятельности одного лишь приказа раскрывается медицинская система России середины XVII в. Исследователь показывает также взаимосвязь медицины и русской армии, нуждавшейся в постоянной заботе врачей. К.С. Худин отмечает странную (для нас) логику в поведении медицинской службы – это, собственно, и становится предметом исследования:

Если мы обратимся к документам Аптекарского приказа – центрального государственного учреждения, ведавшего медициной в России, начиная с конца XVI в. – за период с июня 1654 г. по февраль 1655 г. – мы также не обнаружим никаких упоминаний о противоэпидемических мерах в столице: о выявлении и лечении больных, или об их изолировании от здоровых.

История Аптекарского приказа в *экстремальной ситуации* раскрывает то, что было вполне обиходным, привычным.

Неожиданный ракурс статьи Курукина – в раскрытии непривычной функции императорского двора XVIII в., который был не только распределителем милостей, но и своеобразным центром материальной помощи. Казалось бы, ну что тут необычного? Однако в этой незаметной для внешних наблюдателей деятельности царского двора выражалась озабоченность высшей власти при удержании лояльности придворной элиты в условиях, когда после смерти Петра Великого в повседневную жизнь дворянства вошло ожидание нового дворцового переворота.

Рождение событийного – естественный процесс в обиходной жизни, как и обратное движение, когда событийное превращается со временем в обиходное: эта дорога двусторонняя, живая, продуктивная, поскольку в повседневности всегда имеется не только «ядро» как устойчивое отношение к чему-либо, но и периферия как подвижная, зыбкая среда, порождающая новые смыслы. В работах филологов М.П. Одесского и П.Е. Спиваковского рассматривается реальность повседневности через интеллектуальную деятельность двух выдающихся деятелей в истории России – Юрия Крижанича и Евгения Замятина. Событийное никогда не возникает из материальных форм жизни, материальной повседневности, – событийное рождается всегда в *новых* границах мыслимого. И как бы ни были подчас удивительны рассуждения деятелей культуры с точки зрения общепринятого в том или ином контексте, нет ничего невозможного в том, что интеллектуальные провокации необходимы *самой* повседневности как модусы, дающие жизненную силу в подержании гармонии.

Статьи историков А.Л. Юрганова, А.Б. Асташова, Ф.Г. Тараторкина – о модусах идеологической повседневности, в которой существовали по-разному устроенные миры тех, кто производил идеологические сценарии, и тех кто их воспринимал. Сталинизм нельзя изучать по распоряжениям и решениям властей – сталинизм существует только как *взаимодействие* власти и пропаганды, власти и науки: оно и создает повседневность советских людей, в которой ключевую роль играет суггестия.

Могла быть и «точечная» суггестия, направленная не на широкие массы советских людей, а на отдельные социальные группы – в том числе и на пребывающих за границей интеллигентов-эмигрантов, желавших вернуться на Родину. О таких людях, художниках по профессии, речь идет в статье К.В. Краснослободцева.

Весьма перспективно изучение взаимодействия разновременных модусов повседневности, которая выглядит непривычной демонстрацией привычного. Экспедиции Д.И. Антонова, о которых он пишет в статье, открывают целый мир «советской иконы». Это в самом деле интригует как область, в которой противоположные знаки могут естественно совмещаться:

В ход шла материя от пионерских галстуков и свадебных платьев, советские газеты, фольга от чайных пачек, оттиски на которой делали патронами и т. п. В результате возникали сложные бриколажи, в основе которых зачастую были иконки и материалы XIX – начала XX в., а сверху – напластование разнородных материалов советской эпохи. В статье идет речь о специфике этого явления, о вводимом авторами проекта термине «советская икона», а также о перспективах развития проекта в ближайшие годы.

Собранные в этом выпуске Вестника РГГУ статьи историков, филологов, культурологов не только расширяют наше знание об эмпирическом материале исследований, но и дают возможность качественно продвинуться в понимании перспектив развития гуманитарных наук.

Андрей Л. Юрганов